

3. Grinin L. Ye. Protsessy globalizatsii i protsessy transformatsii natsionalnogo suvereniteta [The globalization processes of globalization and transformation processes of national sovereignty]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2008, no. 1, pp. 86–97.

4. Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya družestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva v sootvetstvii s Ustavom OON, 1970 g. [Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation, in accordance with the UN Charter, 1970]. *OON. Dokumenty i materialy* [UN. Documents and materials], Moscow, 1981. 566 p.

5. Ilin M. V. Sobiranie i razdelenie suvereniteta [Gathering and sharing sovereignty]. *Polis*, 1993, no. 5, pp. 47.

6. Mishe P. Suverenitety v neustoychivoy srede [Sovereignty in an unstable environment]. *Kommunist* [Communists], 1991, no. 13, pp. 83–90.

7. Solovev E. G. Problemy transformatsii mezhdunarodnykh pravil igry v kontekste evolyutsii kontseptsii suvereniteta [Problems of transformation of the international rules of the game in the context of the evolution of the concept of sovereignty]. *Perspektivy* [Prospects]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/problemy_transformatsii_mezhdunarodnykh_pравil_igry_v_kontekste_evolyutsii_koncepcii_suvereniteta_2014-05-05.htm.

8. Ushakov N. A. *Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sovereignty in contemporary international law], Moscow, IMO Publ., 1963. 271 p.

9. Carr E. *The Twenty Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations*, London, 1939, pp. 18.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Алаудинов Анты Аронович, кандидат политических наук, доцент

Чеченский государственный педагогический институт
364037, Российская Федерация, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33
E-mail: apti054@mail.ru

Зарубежный опыт построения наций имеет принципиальное значение для отечественной теории и практики нациестроительства. Рассматриваемый пример США актуален для России потому, что построение нации в Соединенных Штатах базировалось на определенных интеллектуально-идеологических основах, отражающих философские установки либерализма, индивидуализма и прагматизма. При этом этнические и конфессиональные различия населяющих США людей, проявляющиеся в том числе на региональном уровне, в значительной степени нивелировались консенсусом на уровне более фундаментальных правил построения жизненных траекторий. Пример нациестроительства в Индии также чрезвычайно важен для России. Несмотря на существенные этнические, конфессиональные и социально-экономические различия регионов, Индия, в отличие, например, от соседнего Пакистана, сумела сохранить свою территориальную целостность, доказала свое право на существование в качестве полноценного государства, характеризующегося при этом чрезвычайным многообразием региональных идентичностей. Примеры Канады и Австралии актуальны для России потому, что именно эти две страны в середине XX в. выступили родоначальниками так называемой политики мультикультурализма. При этом, в отличие от современных европейских стран, таких как Германия, Франция, Великобритания, Канада и Австралия не склонны заявлять о провале этой политики. Наоборот, бывшие английские колонии стремятся продемонстрировать большую конкурентоспособность по сравнению с обозначенными выше европейскими государствами в проведении политики мультикультурализма. Кроме того, большинство отобранных нами стран – США, Канада, Австралия, Индия – являются федерациями. По нашему мнению, наличие федеративных государств оправдано целями и задачами данного исследования. В своем исследовании мы стремимся проанализировать зарубежный опыт в контексте российской проблематики, а Россия является федеративным государством и, представляется, будет оставаться таковым в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: идентичность, общенациональная идентичность, политическая идентичность, нациестроительство, мультикультуризм, Канада, Австралия, Индия, США

**FORMATION OF NATIONAL IDENTITY:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE**

Alaudinov Apty A., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Chechen State Pedagogical Institute
33 Kievskaya st., Chechen Republic, Grozny, 364037, Russian Federation
E-mail: apti054@mail.ru

Foreign experience of building nations is crucial for the domestic theory and practice of nation-building. The example the United States is relevant for Russia because the nation-building in the United States based on certain intellectual and ideological foundations, reflecting philosophical liberalism installation, individualism and pragmatism. At the same ethnic and religious differences inhabiting the United States people, manifested including at the regional level, largely leveled by consensus at the level of the more fundamental rules of construction of life trajectories. An example of nation-building in India is also extremely important for Russia. Despite significant ethnic, religious and socio-economic differences of regions, India, in contrast, for example, from neighboring Pakistan, has managed to preserve its territorial integrity, has proved its right to exist as a full-fledged state, which is characterized with extreme diversity of regional identities. Examples of Canada and Australia are relevant for Russia, because these two countries in the mid-twentieth century. were the founders of the so-called policy of multiculturalism. At the same time, in contrast to the modern European countries, such as Germany, France, UK, Canada and Australia are not inclined to declare the failure of this policy. On the contrary, the former British colonies tend to demonstrate greater competitiveness in comparison with the above European countries in carrying out the policy of multiculturalism. In addition, the majority of our selected countries - the USA, Canada, Australia, India - are federations. In our opinion, the presence of federal states is justified by the purposes and objectives of the study. In our research, we aim to analyze the international experience in the context of the Russian perspective, and Russia is a federal state, and seems to remain so in the long run.

Keywords: identity, national identity, political identity, nation building, multiculturalism, Canada, Australia, India, USA

Для проведения сравнительного анализа зарубежного опыта формирования общенациональной идентичности представляется необходимым включить в исследование следующие страны: Канада, Австралия, Индия, США. При отборе соответствующих стран для исследования мы исходим из критерия репрезентативности выборки. Канада и Австралия отобраны нами как примеры стран, находившихся до середины XX в. под британским колониальным владычеством. Пример Индии очень важен как пример постколониального государства, процесс формирования нации в котором, в силу целого ряда исторических, социальных, экономических и политических причин, так и не был завершен. США рассматриваются нами как пример страны, также имевшей прошлое колонии, однако, освободившейся от власти британской короны значительно раньше и, следовательно, раньше начавшей формировать собственную общенациональную идентичность.

Итак, рассмотрим образование общенациональной идентичности на примере Канады. Общенациональная идентичность современной Канады формировалась в результате переселения колонистов, прежде всего из Европы. Следует отметить, что исторически важной чертой Канады стало складывание целого ряда региональных идентичностей, имеющих территориально-этническое основание. В частности, на протяжении всей канадской истории выходцы из Великобритании и Франции предпочитали селиться компактно на различных территориях.

В то же время представители других категорий переселенцев имели свои региональные предпочтения. В частности, немцы, украинцы, скандинавы, русские предпочитали селиться в западных провинциях. Западная Канада включает в себя 4 провинции, расположенные к западу от Онтарио: Британская Колумбия, Альберта, Саскачеван, Манитоба. Необходимо обратить внимание на то, что именно в западных про-

винциях Канады сконцентрирована значительная южноазиатская диаспора. Например, по данным переписи 2001 г., численность сикхов в Канаде составляла 278 415 чел. При этом практически половина всех сикхов (74 550 чел.), проживающих в Канаде, сконцентрирована в городах Британской Колумбии (Ванкувер, Виктория, Нью-Вестминстер). Сикхские общины также присутствуют в канадской столице и в крупных промышленных центрах – Торонто и Монреале. Итальянцы, поляки, евреи, греки главным образом селились в городах провинции Онтарио. Территориально провинция Онтарио расположена в центральной части Канады. На сегодняшний день данная вторая по площади, после Квебека, провинция является самой заселенной в стране.

Формированию мультиэтнической общенациональной идентичности Канады способствовала реформа иммиграционного законодательства 1962–1967 гг. Она сняла этнические и расовые ограничения на прием иммигрантов в Канаду. Де-факто это способствовало изменению всей этнической структуры канадской иммиграции, в которой серьезно возрос удельный вес стран Азии, Африки и Латинской Америки. В результате общенациональная идентичность Канады стала еще более «мозаичной».

В рамках продвижения в Канаде политики многокультурности как интеграции различных этнических групп в единое канадское общество с сохранением различных субкультур в 1973 г. в стране было образовано Министерство по делам многокультурности. Данная административная структура была призвана управлять процессом внедрения соответствующих инициатив в правительственных организациях. Впоследствии государственная политика по формированию многокультурной общенациональной идентичности нашла отражение в федеральном законе об иммиграции 1978 г., который обеспечил построение иммиграционной политики на принципах воссоединения семей, заботе о беженцах, отказа от дискриминации и т.д.

В 1970-е гг. в Канаде наблюдался подъем квебекского национализма. В 1976 г. победу на региональных выборах одержала Партия Квебека. Либеральное правительство во главе с П. Трюдо провозгласило концепцию национальной интеграции, которая должна была снять дуализм канадской идентичности, консолидировав последнюю вокруг основы канадского гражданства.

Идею национальной интеграции в случае Канады можно рассматривать как мощную централистскую концепцию. Идеологический принцип, предложенный П. Трюдо, впоследствии получил конкретное политико-правовое подкрепление в форме Хартии прав и свобод, принятой в 1982 г. как часть Конституции Канады. Ее суть состояла в том, что она гарантировала равноправие всем гражданам Канады, независимо от их местоположения, а также подчеркивала необходимость сохранения культурного наследия различных этнических групп.

Показательно, что П. Трюдо назвал Канаду «мультикультурной страной с двуязычной структурой». В данном определении он фактически сформировал представление о том, что ни одна из провинций Канады не должна и не может представлять интересы особой этнической или культурной группы, которые ее населяют.

В итоге Канада все же была признана лингвистически двойственным федеративным государством – франкоязычным и англоязычным, которые географически не привязаны к границам провинций. В этом плане можно говорить об определенной победе региональной идентичности Квебека как идентичности, претендующей на общегосударственный масштаб. Де факто франкофонная идентичность в Канаде получила стимул к развитию на территории не только франкоговорящего Квебека, но и других провинций.

Многокультурная политика в Канаде изначально проявлялась в «культурно-просветительском» аспекте, а впоследствии расширилась на социальную, политическую и экономическую жизнь канадского общества. В частности, Канада пошла по пути обеспечения законодательной и бюджетной поддержки различных культур и языков.

Таким образом, именно Канада стала первой страной, которая приняла в качестве государственной политику многокультурности. В этом плане следует заметить, что сам термин «мультикультурализм» возник в Канаде.

В целом можно говорить о том, что в условиях Канады формирование общенациональной идентичности происходило на основе многокультурного сосуществования множества региональных меньшинств, обладающих собственными идентичностями. До настоящего времени большинство в соответствующих канадских меньшинствах считают себя канадцами и при этом постоянно подчеркивают свою принадлежность к той или иной этнической группе, имеющей определенный территориальный ареал расселения и не высказывающей стремления к ассимиляции с какой-либо другой группой. В настоящее время 96 % канадцев являются потомками иммигрантов из различных стран, которые прибыли сюда за последние четыре века. По состоянию на 2011 г., в Канаде проживает 5,4 млн иммигрантов (людей, родившихся за пределами Канады). Данная цифра составляет 18 % населения страны. Для сравнения: в 1991 г. этот показатель был 4,3 млн и составлял соответственно 16 % [8].

После рассмотрения ряда ключевых аспектов формирования общенациональной идентичности в Канаде представляется логичным обратиться к опыту *Австралии* как еще одной постколониальной страны переселенческого типа. Формирование австралийской общенациональной идентичности происходило главным образом в силу политических решений, которые принимались первоначально Британской колониальной администрацией, а впоследствии – австралийским правительством.

До 1970-х гг. для Австралии была характерна этническая пестрота населения. Этническое разнообразие Австралии пополнялось мигрантами не только с Британских островов, но и из европейских стран. Тем не менее, австралийский социум в культурологическом и цивилизационном отношении оставался достаточно монолитным. Основой монолитной идентичности Австралии до 1970-х гг. являлась проводимая в стране с конца XIX в. и до середины XX в. политика «белой Австралии». Суть данной политики состояла в том, что имело место законодательное оформление въезда в страну представителей неевропейских народов и предпочтение иммигрантов из Великобритании прочим европейцам. Согласно официальной установке, приезжающие в Австралию иммигранты должны были ассимилироваться и не формировать каких-либо устойчивых региональных идентичностей. Иммиграционные процессы, этнокультурная плюрализация страны находились под ее жестким контролем. Иммиграционные квоты планировались в рамках переселенческих программ и были обусловлены «гравитационной силой экономики».

В конце XIX в. во всех австралийских колониях были введены законодательные ограничения на въезд небелого населения. После того, как в 1901 г. в политическом смысле был образован единый Австралийский Союз, политика в отношении представителей «неевропейских рас» на территории Австралии даже ужесточилась. Известно высказывание А. Дикина – федерального прокурора, а позднее премьер-министра Австралийского Союза: «Мы должны быть единым народом и останемся единым народом без примеси других рас». В 1901 г. был принят Акт об ограничении иммиграции (Immigration Restriction Act), а в 1903 г. – Акт о натурализации (Naturalization Act), закрепившие политику «белой Австралии».

Пребывание «неевропейцев» на территории Австралии характеризовалось целым рядом сложностей. Во-первых, для того, чтобы получить допуск для въезда в страну, необходимо было пройти медицинское освидетельствование, а также написать диктант на любом европейском языке. Допущенные внутрь страны «неевропейцы» не имели права свободного передвижения по территории страны. Кроме того, для временного пересечения границ штатов требовалось наличие специальных разрешений.

В результате в Австралии на базе доминирующей британской культуры сформировалось общеавстралийское культурное пространство, для которого была характерна единая система ценностей, стереотипы, образ жизни и даже мифы («товарищество в душе», культ «благородного» разбойника Неда Келли и др.) [7].

С середины 1970-х гг. в Австралии мультикультурализм становится официальной политической доктриной [3]. Начиная с 1977 г., политика австралийского госу-

дарства по отношению к мигрантам, инокультурным и иноэтническим сообществам претерпела серьезные изменения: в ней начали играть доминирующую роль не социальные вопросы, а идеология. Автором идеологической программы австралийского мультикультурализма выступил профессор Национального университета Дж. Зубржицки. В числе основных задач политики мультикультурализма в Австралии в этот период следует назвать: достижение единства общества, формирование общенациональной культурной идентичности, обеспечение равных социальных шансов для всех членов общества, независимо от их этнического происхождения и религиозной принадлежности, равных обязанностей и ответственности за будущее страны.

В австралийских условиях мультикультурализм должен был способствовать развитию особой формы либеральной идеологии, посредством которой полиэтническое общество Австралии на основе политических решений, законодательных и иных мер, предпринимаемых правительством, стремится реализовать стратегию социального согласия и стабильности.

Разработкой идей мультикультурализма на австралийской почве занимались левые интеллектуалы. Они выступили с идеей замены парадигмы англо-кельтского доминирования моделью многоукладной организации общества, при которой «мозаика культур различных народов способствовала их взаимному обогащению и дополнению».

Именно вокруг этой новой для Австралии парадигмы был достигнут консенсус между двумя политическими силами в стране: либералами и лейбористами. Обими партиями постулировалось признание права каждого гражданина Австралийского Союза на культурную идентичность, социальную справедливость и экономический успех. В качестве обязательства выступала лояльность к Австралии и принятие базовых ценностей и принципов демократического общества: Конституции, парламентаризма, верховенства закона, терпимости и равенства, свободы слова и религии, английского языка как общенационального.

Отражением формируемой в Австралии модели мультикультурализма стала создаваемая система государственных институтов, публично-правовых учреждений, органов местного самоуправления. В числе государственных институтов следует назвать Министерство по делам иммиграции, мультикультурализма и коренных жителей; Министерство по вопросам гражданства и мультикультурализма (с 2003 г.); Управление по делам мультикультуры и ряд других. В 1994 г. была создана еще одна структура – Национальный консультативный совет по мультикультурализму. Позднее он был переименован в Совет для мультикультурной Австралии.

Следует отметить, что на современную общенациональную идентичность Австралии как государства не может не оказывать ее географическая близость к Востоку. Именно географическая принадлежность к АТР способствует активизации внутривнутриполитических дискуссий о перспективе уместности «азиатизации Австралии». Консервативным ответом на подобные идеи можно считать возникновение в Австралии партии П. Хэнсон, для которой характерна расистская направленность [5]. При этом уже в 1990-е гг. политические деятели Австралии начали выражать опасения по поводу излишне быстрого сближения с Азией [9].

Если рассматривать исключительно территориальный аспект общенациональной австралийской идентичности, то необходимо отметить, что Австралия представляет собой весьма эксклюзивный пример. В настоящее время здесь отсутствуют реальные тенденции к регионально-территориальному сепаратизму. Иными словами, здесь не проявляется тренд, который весьма характерен для таких стран, как Индия, Великобритания, отчасти Канада, Италия.

В целом же можно отметить, что общенациональная идентичность Австралии в значительной степени выстраивалась по принципу идентичности США, хотя и в несколько иных исторических и этнических условиях. Тем не менее, в настоящее время австралийская идентичность находится на пороге существенных трансформаций.

Далее рассмотрим пример *Индии*, который весьма показателен и актуален для нашего исследования по целому ряду причин. Во-первых, население Индии в значительной степени остается традиционным обществом. Во-вторых, исторически, в силу огромного количества этнических, религиозных, лингвистических, традиционных и иных различий, Индия до сегодняшнего дня не могла сформировать единую светскую политическую нацию, характерную как для западных, так и для ряда других постколониальных стран. При этом на примере Индии достаточно ярко проявляется теория Б. Андерсона о «воображаемом обществе» [1].

В историческом плане общенациональная идентичность Индии выстраивалась на имперской основе. При этом империи Индии носили династический характер. Наибольших успехов в создании субконтинентальных империй добились династии Маурья (IV–II вв. до н.э.), Гупта (IV–V вв.), Харша (VII в.), дельийские султаны (XIII–XIV вв.), потомки Тамерлана и Чингисхана – Великие Моголы (XVI–XVIII вв.), а в Новое время политическое объединение Индии завершили британские колонизаторы [4]. В XX в. общенациональное единство, формируемое Индийским национальным конгрессом, формировалось вокруг династии Ганди.

Мощности имперской традиции на территории современной Индии способствовал тот факт, что за исключением южной оконечности полуострова здесь практически отсутствовали тенденции к формированию сильных и самостоятельных национальных государств.

В XIX–XX вв. основой формирования единой идентичности Индии являлось освободительное движение. Подобная ситуация стала возможной в специфических индийских условиях. Индийское освободительное движение формировалось и развивалось в течение жизни нескольких поколений. За длительный временной период освободительному движению удалось сформировать традицию межэтнического сотрудничества, общиндийское гражданско-политическое сознание. Именно благодаря освободительному движению возник концепт «индийской нации».

В конце XIX – начале XX вв. формированию мощных региональных идентичностей способствовало влияние ориенталистских исторических концепций западных держав, в значительной степени благодаря которому в данный период произошло складывание теории «индусской» нации и теории «мусульманской» нации. При этом именно под влиянием европейской историографии в указанное время произошло формирование представления о так называемом периоде «золотого века» «индусской Индии». Европейская историография также сформулировала так называемую арийскую теорию. Именно вокруг этой идеи «золотого века» «индусской Индии» уже на индийской почве в интеллектуальном сообществе колонии начало развиваться течение индуистского коммунизма [2].

Важную роль в формировании общенациональной идентичности Индии сыграла так называемая линия М. Ганди и Д. Неру. И хотя между двумя идеологами имели место некоторые весьма существенные расхождения относительно будущего Индии, при этом между ними существовал определенный консенсус относительно ее прошлого и настоящего. В частности, Д. Неру исходил из так называемого секуляристского подхода к индийской истории, согласно которому, в истории Индии не следует искать только религиозного обоснования ее политической целостности. Д. Неру гораздо большее значение придавал экономическому фактору: именно экономическая отсталость, по его мнению, сыграла основную роль в том, что Индия попала под колониальную зависимость более прогрессивной в экономическом и технологическом плане Великобритании. Таким образом, базисный момент в идентичности Индии как единого государства Д. Неру видел не в вопросах религиозного доминирования, а в соотношении Индии с Западом и позиционирования себя по отношению к Западу в качестве другого.

Отметим, что мотив соотношения себя с Западом был свойственен не только Индии. Он проявлялся, например, у Бразилии. Традиционно он имеет место в случае России.

Еще одним атрибутом индийского мультикультурализма стало признание религиозного многообразия населения. Например, это проявляется в том, что статус нерабочих дней здесь имеют пять индуистских, четыре мусульманских, два христианских, один буддийский, один джайнистский и один сикский праздники.

Важной чертой индийского мультикультурализма стал юридический плюрализм, в рамках которого признавалась роль и нормы юридических институтов различных общин. В соответствии с данным принципом, в Индии было обеспечено представительство внесенных в реестр племен и каст, для которых специальным образом резервировались места в парламенте.

Проведенный анализ показывает, что модель Индии характеризуется неустойчивой общенациональной идентичностью, при которой региональные идентичности не просто вносят свой вклад в функционирование целостной системы самовосприятия, но и сохраняют значительную степень автономии и самобытности.

При этом территориальный аспект региональной идентичности в случае Индии в значительной степени размыт. Показательно, что даже так называемый «Пояс хинди» в значительной степени является лишь номинальным явлением. На практике этнические различия между народами, населяющими «Пояс хинди», оказываются значительно более мощными, нежели имеющая место лингвистическая общность этой территории. В результате степень консолидации на уровне идентичности в «Поясе хинди» оказывается даже ниже, чем в ряде других районов Индии.

В целом, следует отметить, что в Индии вопрос о выборе общенациональной идентичности не закрыт, т.к. не завершены дебаты вокруг ее прошлого и той роли, которую в различных регионах сыграли индуизм, ислам, кастовая система. Подобное положение дел некоторым образом сближает Индию и Россию, в которой споры относительно ее прошлого, о чем наглядно свидетельствуют события последних двух десятилетий, не утихают до сих пор. В случае Индии данный тезис подтверждается тем, что в 1990-е гг. на лидерские позиции в стране вырвалась Индийская народная партия (Bharatiya Janata Party, BJP), которая проповедует принципы индуистского национализма – «хиндутв».

В *Соединенных Штатах Америки*, в отличие от Канады, мультикультурализм не был принят в качестве официального политического курса. Тем не менее, начиная с 1970-х гг. фактическая политика мультикультурализма получила свое развитие, что было связано с активизацией в тот период движения афроамериканцев. Основными для этой группы населения страны, формировавшей свою идентичность, стали требования этнических квот, мультикультурных учебных программ, юридических норм [6].

Следует отметить, что начало антирасистским выступлениям в США было положено студенческими и молодежными движениями второй половины 1960-х гг. Афроамериканцы выступали с идеей продвижения политики идентичности (политики различия). В качестве основы данной политики рассматривалось институциональное равенство. Ведущими общественными движениями, выступавшими с такими инициативами, были «Черная Сила» («Black Power») и «Черное прекрасно» («Black is beautiful»).

Можно говорить о том, что региональные идентичности в США проявили себя в 1970-е гг. в форме «этнического возрождения». Показательно, что изначально, в противоположность Австралии и Канаде, в США мультикультурализм получил развитие не по инициативе правительства, а в результате активизации социального движения четырех этнических групп: поляков, греков, итальянцев и словаков, боровшихся за свои права [3]. Данное движение белого неанглосаксонского населения за свои права стимулировало правительство к тому, чтобы пересмотреть политику не только по отношению к самим себе, но и к чернокожим гражданам государства. В свою очередь, движение афроамериканцев в тот период было поддержано немногочисленным, но влиятельным еврейским населением и мощным студенческим движением.

Именно в тот период в политику «плавильного котла» были внесены серьезные коррективы. Мультикультурализм стал одной из важнейших компонент государст-

венной идеологии. Для американской либеральной модели устройства общества характерна ситуация, при которой не только допускается культурная и религиозная практика на индивидуальном уровне, но и дается ориентировка на то, чтобы различные группы людей могли свободно добиваться реализации своих культурных и политических целей.

Таким образом, формирование общенациональной идентичности во многих странах происходило посредством распространения языка и культуры доминирующей группы при посредстве общенациональных культурных институтов, включая государственные СМИ и т.д. Как правило, общенациональная идентичность государства строится на базе принятия законов об официальном языке, которые провозглашают язык доминантной группы единственным официальным государственным языком. Устанавливается, что соответствующий язык должен использоваться в административных органах, судах, государственных учреждениях, в армии, системе высшего образования и других официальных институтах.

Проведенный сравнительный анализ рассмотренных стран позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, для каждой страны были характерны свои особенности политики интеграции региональных идентичностей в общенациональную идентичность. Во-вторых, само взаимодействие региональных идентичностей в рамках единого политического пространства происходило различным образом.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва, 2007.
2. Ванина Е. Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история / Е. Ванина // Вестник Российской нации. – 2009. – № 4. – С. 163–180.
3. Куропятник А. И. Мультикультурализм: идеология и политика социальной стабильности полиэтнических обществ / А. И. Куропятник // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 2. – С. 53–66.
4. Прузаускас А. Индия: слагаемые национального единства / А. Прузаускас // Обозреватель. – 1996. – № 10–12.
5. Сланевская Н. М. Интеграционная политика Австралийского Союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе (90-е годы 20 века) : автореф. дисс. ... канд. полит. наук / Н. М. Сланевская. – Санкт-Петербург, 2000.
6. Терборн Г. Мультикультурные общества / Г. Терборн // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1, № 1. – С. 50–67.
7. Castles S. Mistaken identity. Multiculturalism and the demise of nationalism in Australia / S. Castles, B. Cope, M. Kalantzis, M. Morrissey. – Sydney, 1988. – Pp. 8, 12.
8. Government of Canada. – Available at: <http://www.gc.ca/home.html>.
9. Mackay H. A National Identity? Wait and See / H. Mackay // Where to Now? Australia's Identity in the Nineties. – Sydney : Federation Press Publ., 1993. – Pp. 12–25.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow, 2007.
2. Vanina Ye. Proshloe vo imya budushchego: indijskiy natsionalizm i istoriya [Past for the Future: Indian nationalism and history]. *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of the Russian Nation], 2009, no. 4, pp. 163–180.
3. Kuropyatnik A. I. Multikulturalizm: ideologiya i politika sotsialnoy stabilnosti polietnicheskikh obshchestv [Multiculturalism: the ideology and politics of social stability of multi-ethnic societies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000, vol. 3, no. 2, pp. 53–66.
4. Prazauskas A. Indiya: slagaemye natsionalnogo edinstva [India: the terms of National Unity]. *Obozrevatel* [Observer], 1996, no. 10–12.
5. Slanevskaya N. M. *Integratsionnaya politika Avstraliyskogo Soyuz v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (90-e gody 20 veka)* [Integration policy of the Commonwealth in the Asia-Pacific region (90 years of the 20th century)], Saint-Petersburg, 2000.

6. Terborn G. Multikulturelne obshchestva [Multicultural society]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2001, vol. 1, no. 1, pp. 50–67.
7. Castles S., Cope B., Kalantzis M., Morrissey M. *Mistaken identity. Multiculturalism and the demise of nationalism in Australia*, Sydney, 1988, pp. 8, 12.
8. Government of Canada. – Available at: <http://www.gc.ca/home.html>.
9. Mackay H. *A National Identity? Wait and See. Where to Now? Australia's Identity in the Nineties*, Sydney, Federation Press Publ., 1993, pp. 12–25.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)

Кудряшова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: Ylyub@mail.ru

Статья посвящена изучению особенностей формирования и функционирования политических систем в Центральной Азии на рубеже XX–XXI вв., и их дальнейшей трансформации (на примере Республики Казахстан). Огромную важность представляет характеристика внешних и внутренних факторов, повлиявших на формирование политических режимов центральноазиатских республик, разделяемых на открытые и закрытые модели. Несомненный интерес представляет тот факт, что политические системы, сложившиеся в данном регионе после 1991 г., представляют собой так называемую интегрированную модель, сочетающую в себе как черты восточного традиционализма, так и западного демократизма. Данная проблема имеет большое значение для развернувшейся особенно активно в мировой науке дискуссии о взаимоотношениях демократии и авторитаризма в современном мире, о возможностях и потенциальных формах трансформации авторитарных политических режимов.

Ключевые слова: авторитаризм, Республика Казахстан, восточный традиционализм, открытые и закрытые типы политических режимов, «демократический царизм»

PECULIARITIES OF FORMATION OF THE POLITICAL SYSTEM IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (LATE XX – EARLY XXI CENTURIES)

Kudryashova Yuliya A., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414041, Russian Federation
E-mail: Ylyub@mail.ru

The article is devoted to the peculiar modes of formation and functioning of the Central Asian political systems in the late XX – early XXI centuries, and their further transformation (the Kazakhstan Republic is taken as an example). The author characterizes the inner and outer factors which shaped the formation of the Central Asian political regimes and draws a borderline between the open and closed models. The political systems formed in this region after 1991 are a classical example of the so called intergrated model combining some features of the oriental traditionalism and the western democracy. This problem is of great significance for the academic discussion about the relations of autocratism and democracy in the contemporary world, and about the potential of the authoritarian regimes to change.

Keywords: autocratism, Kazakhstan Republic, Eastern traditionalism, open and closed types of political regimes, «democratic tsarism»

В начале 1990-х гг. прошлого века в результате распада СССР, бывшие советские республики оказались перед необходимостью решения важнейших задач: перехода к рыночной экономике, демократизации общества, поиска новой идеологии,